

Эволюция терроризма

Исламское государство (ИГ), с которым сейчас борются в Сирии и Ираке, - это террористическая группировка четвертого поколения. О том, чем она отличается от предшественников, и на чем вообще держится терроризм, наш очередной разговор с профессором МГУ имени М.В. Ломоносова, членом научного совета при Совете безопасности РФ Андреем Манойло.*

*звездочкой помечены организации, запрещенные в России

«ДК»: Андрей Викторович, мы постоянно слышим о нарастающей террористической угрозе, которая касается всех и каждого. Так ли это на самом деле? Какие цели преследуют террористы? И почему этот процесс продолжается, несмотря на все усилия международного сообщества?

А.М.: Терроризм – явление объективное. В его основе лежит социальный фактор, поэтому искоренить терроризм нельзя, но это не означает, что с ним нельзя эффективно бороться. Террористические атаки всегда политически обоснованы и нацелены, в первую очередь, на правящие элиты тех стран, которые террористы пытаются запугать или принудить к исполнению своей воли. При этом важно понимать, что терроризм не может существовать сам по себе. У террористических группировок обязательно есть внешние источники финансирования, потому что без поддержки извне они не в состоянии действовать и развиваться даже в домашних регионах - там, где население в определенной степени симпатизирует их лозунгам и целям, которые они преследуют.

Когда терроризм начинает расцветать, это, как правило, связано не с личными амбициями главарей группировок, а с обострившейся борьбой за передел сфер влияния между международными игроками. Террористы всегда используется в большой игре между странами, которые претендуют на влияние в определенном регионе и пытаются укрепить его за счет прямой или косвенной экспансии. Терроризм - это инструмент в борьбе легальных политических сил, который всегда обслуживает чьи-то внешнеполитические интересы.

«ДК»: Кого мы должны «благодарить» за то, что террористы не испытывают проблем с деньгами, на которые закупается оружие и нанимаются боевики?

А.М.: Если мы зададимся вопросом, кто финансирует террористов на Ближнем Востоке, то в первую очередь выйдем на монархии Персидского залива. Ту же Саудовскую Аравию. Недавно был скандал с Катаром, который арабские государства напрямую обвинили в финансировании и поддержке терроризма. Катар, в отличие от других монархий, фактически предоставил свою банковскую систему для обслуживания финансовых операций террористических группировок, стал для них банкиром. Сейчас ему поставили это в вину, хотя об этом было известно и год, и два года назад - такую деятельность скрыть невозможно.

Очевидно, что у террористических группировок, которые действуют в Сирии, Ливии, частично на Синайском полуострове и еще много где на Ближнем Востоке, такое количество спонсоров, что недостатка в финансировании терроризм не испытывает. Более того, оно продолжает расти, несмотря на дружные заявления западных и не западных стран о том, что они против терроризма, готовы с ним бороться военными методами и уж тем более никогда ни дадут ему ни копейки. Тем не менее, значительный канал поступления финансовых средств, тому же Исламскому государству (ИГ), берет свое начало в странах Европы, которые входят в антитеррористическую коалицию, возглавляемую США, и с оружием в руках борются с терроризмом - по крайней мере, так они заявляют. И это не только пожертвования диаспор, среди которых есть сочувствующие террористам. Происхождение этих денег вообще вызывает много вопросов.

Поскольку с финансированием у террористов проблем нет, то расцветает и международный терроризм. Группировки набирают мощь, несмотря на удары, которые по ним наносятся, и потери, которые они несут.

«ДК»: Сила террористов в деньгах, так получается?

А.М.: Есть еще один момент, который способствует нарастанию террористической угрозы. Дело в том, что группировки все разные. Основу ИГ составляют либо иностранцы - бывшие военнослужащие армии Саддама Хусейна, либо наемники. С другой стороны, есть Джабхат Фатх

аш-Шам*, это переименованная Джебхат ан-Нусра*, военное крыло сирийской ячейки Аль-Каиды*, которая состоит в основном из граждан Сирии. Есть разного рода группировки, объединенные общим брендом Сирийская свободная армия, которые тоже состоят из местных жителей. У них разные цели и задачи, совершенно разные диалоги. Более того, периодически ССА вступает в боевые столкновения с ан-Нусрой, довольно ожесточенные, с применением тяжелой артиллерии. Точно так же существуют большие противоречия в идеологическом плане между ан-Нусрой и ИГ. Тем не менее, когда встает вопрос борьбы с «крестоносцами», или с Башаром Асадом и его союзниками, эти идеологические расхождения мгновенно забываются, группировки объединяются и выступают против антитеррористических сил единым фронтом. Появляется абсолютная координация усилий, все их разведывательные и контрразведывательные органы действуют согласованно, синхронно, как швейцарские часы. А против них выступает сильно разобщенный, фрагментированный конгломерат стран. Запад действует отдельно от России и Сирии, и даже страны Запада действуют отдельно друг от друга. Поодиночке они часто получают чувствительные удары от этого единого террористического фронта.

«ДК»: Кто их координирует, если они могут вот так вот взять и выступить одним фронтом?

А.М.: У террористических группировок четвертого поколения, таких как ИГ, военно-гражданская система управления развита очень хорошо. Ее ставили специалисты, имеющие опыт государственного управления, потому что среди боевиков ИГ большое количество бывших чиновников и функционеров партии Баас, которые после падения режима Саддама Хусейна были подвергнуты сегрегации. Прообраз ИГ сформировался в 2006 году - группировка, которая тогда называлась Исламское государство Ирака, образовалась на базе иракской ячейки Аль-Каиды и еще 11 мелких баасистских группировок. Это были в основном не исламистские партизанские группировки суннитского сопротивления, которые воевали против американцев. То есть необходимое количество кадров, знакомых с законами административного, гражданского, военного управления у ИГ изначально было. И если посмотреть на внутреннюю структуру ИГ, то там все выстроено очень логично. Уровень координации очень высокий.

Примерно на таком же уровне, может быть, качественно более низком, построены системы управления и в сирийской ячейке Аль-Каиды. Когда эти структуры существуют, установить координирующие связи между ними - вообще не проблема. Тем более что на военном уровне группировки опираются на полевых командиров, на командиров подразделений, которые хорошо знают друг друга. Горизонтальные связи позволяют координировать действия, а вертикальные - объединять усилия для решения общих задач по борьбе против «крестоносцев», которые с точки зрения главарей группировок стоят выше разногласий по поводу теологии и теософии. Поэтому они легко объединяются. И когда необходимо выступить единым фронтом против сил Запада, чтобы нанести решительный удар в уязвимое место, они действительно умеют отбросить идеологические и религиозные разногласия. У них очень хорошо отлажена система мобилизации.

«ДК»: Способность к консолидации - это то, что отличает террористические группировки нового поколения от их предшественников?

А.М.: Если рассматривать эволюцию организационной структуры и принципов формирования террористических группировок, то можно выделить четыре последовательных этапа, при прохождении которых они приобретали новые качества.

К террористическим группировкам первого поколения относятся группировки, построенные по мононациональному либо моноэтническому принципу, деятельность которых не выходит за пределы домашнего региона. Это, например, баскские и корсиканские сепаратисты, Ирландская республиканская армия. Их идеология носит, как правило, национально-освободительный характер, но в качестве инструментов борьбы выбраны террористические методы. Терроризм долгое время существовал в виде таких националистических либо религиозных группировок, у которых не было амбиций распространить свое влияние по миру. Их задачей было добиться политических результатов в своем регионе.

Качественный эволюционный сдвиг в структуре и принципах действия группировок произошел, когда на арену вышло движение «Талибан»*. Внешне оно монолитно, амбиции не выходят за пределы домашнего региона, под которым понимается территория Афганистана и часть территории Пакистана. В этом отношении «Талибан» походит на группировки первого поколения. Различия проявляются в том, что с точки зрения идеологии группировки первого поколения всегда монолитны. А у «Талибана» идеология начинает расслаиваться. В нынешнем «Талибане»

существуют три основных идеологических концепции, которые сильно конфликтуют между собой.

Носителями первого типа являются уцелевшие вожди, которые стояли у основания движения и возглавляли борьбу еще против советского военного присутствия. Их идеология всегда была проста - освобождение родной земли от пришельцев, борьба с коммунизмом, как с идеологией, которая несет антирелигиозный посыл. Сейчас это люди преклонного возраста. Они всю жизнь воевали, добились высокого положения, и денег у них хватает. Но в силу того, что они не вылезали из окопов, у них не было возможности жить, как нормальные люди. Сейчас они понимают, что жизнь конечна, а для себя они по-настоящему так и не жили. Именно эти лидеры выступают за возрождение диалога как с Западом, так и с Россией. Они толкают «Талибан» на переговоры с официальным афганским правительством и с теми силами, которые за ним стоят. Их основная идеология - пора идти к национальному примирению.

Второй слой представляют полевые командиры, которые примкнули к движению во время войны с Северным альянсом, но еще до вторжения американцев. Эти командиры - носители строго национально ориентированной идеологии. Их главная военно-политическая задача - борьба с «крестоносцами», изгнание чужаков. Их амбиции тоже не выходят за пределы своей территории. Эта категория сильно раздражает третий слой талибов, который состоит из молодежи, родившейся во время бесконечной гражданской войны. Они разделяют джихадистские и исламистские лозунги, симпатизируют ИГ, и для них Афганистан слишком тесен. Это молодое поколение считает, что предыдущие лидеры «Талибана» мешают джихаду против всех, с кем необходимо бороться настоящему исламисту.

«Талибан» - пример террористической группировки второго поколения, у которой есть иллюзия монолитности, но в идеологическом плане она состоит из фракций, каждая из которых может в любой момент стать ядром для начала вооруженного конфликта на своих идеологических основаниях и принципах. В идеологическом плане с талибами бороться очень сложно, потому что у них три разных концепции. Охватить их все - не тривиальная задача.

Третья модель организации террористических группировок появляется с развитием сетевой структуры «Аль-Каиды». Первоначально сетевая форма существования была связана с одним единственным требованием – необходимостью соблюдения конспирации. Если организация состоит из отдельных ячеек, можно накрыть одну, но конспиративные каналы связи с другими будут оборваны. И даже ликвидировав одну ячейку, скорее всего, не удастся выйти на управляющий центр. Алькаидовцы создавали свою сеть исходя из этих элементарных соображений. Они даже не догадывались, что в итоге получают новую систему управления подконтрольными территориями.

«Аль-Каида» покрыла своим ячейками значительное пространство. Только на Ближнем Востоке их действует около десятка. И все они в идеологическом, административном и военном плане действуют самостоятельно, автономно, сами выбирают цель, за исключением редких случаев, когда вся сеть проводит согласованную по целям и задачам глобальную операцию. Система вертикального подчинения срабатывает только для решения конкретной стратегической задачи. После проведения операции, сеть снова действует со всеми степенями свободы, которые в ней заложены. Это делает «Аль-Каиду» слабоуязвимой по отношению к действиям спецслужб, потому что с подпольем, построенным по сетевому принципу, очень сложно бороться. С другой стороны, это обеспечивает целостность «Аль-Каиды». Тот факт, что ячейки, действующие в разных регионах и с разными интересами, до сих пор не разбежались, а продолжают существовать в рамках единого бренда, говорит о том, что принцип конфедерации, лежащий в основе сетевой организации, очень удобен для региональных лидеров. И он поддерживает существование этой группировки в виде единой, консолидированной, хорошо организованной военной и идеологической силы.

ИГ - пример группировки четвертого поколения. Это террористическая организация, построенная по сетевому принципу с претензией на создание квазигосударственного образования и с прицелом на формирование полноценного государства. От «Аль-Каиды» ИГ отличается тем, что действия его ячеек – вилайетов - направлены не только на захват территории, но и на ее закрепление и придание определенного статуса. У сетевых группировок третьего поколения претензий на создание квазигосударственного образования нет и в помине. «Аль-Каида» принципиально не признает суверенитет государств, национальные границы, и считает, что достаточно контролировать территорию, на которой создана ячейка. Для идеологов «Аль-Каиды» достаточно, чтобы ячейки покрывали определенное пространство, и каждая контролировала процессы,

происходящие в домашнем регионе. А ИГ ставит задачу формирования на захваченной территории гражданско-военной администрации и превращения ее в пространство, где все, вплоть до бытовых норм, определяет верховная власть, которую представляет исключительно руководство этой группировки. «Аль-Каида» территории не захватывает, она их держит в страхе. А ИГ, захватив территорию, уже не выпускает ее из своих рук. В этом принципиальное отличие.

«ДК»: В западных информационных источниках образ террористов часто освещают, хотя мы прекрасно знаем на примере России, что создавать образ абсолютного зла они умеют ничуть не хуже. Почему так происходит?

А.М.: Пропаганду террористическим группировкам делают в основном западные специалисты, которых ИГ вербует по всей Европе. Это не исламисты, их не заставляют отращивать бороду и принимать ислам. Их нанимают на хорошие зарплаты, заключают трудовые контракты с соблюдением всех принципов и льгот, принятых в Европе. Поэтому в пропаганде исламистов очень много чисто европейских штампов, европейского стиля подачи информации. Но среди этого потока пробиваются еще и выступления отдельных военных командиров. А они, когда пытаются подвести идеологическую основу, начинают путаться, потому что в богословии не очень подкованы. Зато они хорошо подкованы в советской пропаганде, потому что значительная часть этих командиров, служивших еще в иракской армии, получила военное образование в советских академиях, в том числе в Академии имени Фрунзе. Поэтому иногда от них слышны штампы, характерные для советских политруков. Вот так и распознается происхождение многих командиров боевиков.

«ДК»: Что так привлекает европейских пропагандистов?

А.М.: Деньги. Причем эмиссары ИГ нанимают в Европе не только военных специалистов или специалистов по информационной борьбе, но и специалистов по муниципальному управлению - чтобы выстраивать гражданскую администрацию на оккупированной территории, а также по экономике, нефтепереработке, сельскому хозяйству. Нанимали специалистов, разбирающихся в полезных ископаемых, потому что до недавнего времени ИГ делало деньги на нелегальной торговле фосфатами, которыми богаты определенные районы Сирии. Наверняка, нанимали еще и финансистов, чтобы взаимодействовать с мировой финансовой системой. Потоки денег, которые получают террористы, все-таки замкнуты на ней, проходят через определенные клапаны. До недавнего времени таким клапаном была финансовая система Катара. Но чтобы взаимодействовать, мало иметь клапан, надо еще уметь им пользоваться. Так что против нас там действует очень серьезный, хорошо продуманный враг. И считать его просто конгломератом диких банд, неграмотных бородачей - большое упущение.

«ДК»: Воевать за ИГ уезжают не только ради денег, но и из чисто идеологических соображений. Что такого привлекательного в их лозунгах? Почему в ряды террористических организаций идет приток людей с разным уровнем образования, достатка, из разных сословий, причем часто вполне обеспеченных?

А.М.: Проблема заключается в том, что идеология ИГ, с одной стороны, копирует общечеловеческие принципы, а с другой, во многом повторяет идеологию большевиков. Не случайно ее называют неомошеизмом, а сами игольцы говорят, что с точки зрения борьбы за справедливость, равенство и братство они являются прямыми наследниками Советского Союза. В их пропаганде встречаются такие пассы, что СССР, который выступал за справедливость и равенство и противостоял мировой империалистической системе, распался. И некому было подхватить его знамя борьбы. И вот появилось ИГ, которое стало защитой для всех, с кем несправедливо поступили.

Идеология ИГ базируется не только на принципе всеобщей справедливости, в том виде, в котором они ее понимают, а еще и на принципе стирания любых сословных и классовых перегородок. В Тунисе, например, молодой человек может получить бесплатное образование, но каким бы талантливым он ни был, если его сословие не принадлежит к политической элите, которая приватизировала власть, он никогда эту перегородку не перейдет. Сословные перегородки есть и в современной России, но в арабских странах они выражены намного ярче. Их не пробить головой, никак. А ИГ говорит, что все равны перед Аллахом, и перегородок нет - они выстроены искусственно. Приходи в наши ряды, и если будешь вести праведный образ жизни и воевать против врагов тех ценностей, которые мы несем, ты можешь вырасти до халифа. Все это

напоминает принципы коммунистического общества, которые действовали в Советском Союзе, откуда их, собственного говоря, и передрали. И вполне возможно, это сделали те самые люди, которые обучались в советских академиях и военных институтах.

И это действует. Даже на европейцев, которые понимают, что никогда не станут миллионерами, не выпрыгнут из своего среднего класса, а если попытаются, то найдутся добрые люди, которые все равно помешают подняться на другой уровень.

«ДК»: Запад более лоялен к террористам, чем Россия, тем не менее, время от времени они кусают руку, которая их прикрывает. Но делают это по большей части как-то по бандитски, чуть ли не с кухонными ножами наперевес. Почему?

А.М.: Терракты хорошо оплачиваются. Это довольно прибыльный бизнес. И за право получать внешнее финансирование борется множество полукриминальных, полуэкстремистских и полутеррористических группировок. А получить его они могут только в том случае, если докажут свою эффективность и полезность. Терракты в виде нападений с ножами или наездов грузовиков на толпу - это дело мелких группировок, которые пытаются показать, что заслуживают внимания крупных структур. Между этими группировками идет острая конкуренция, и они пытаются показать, на что способны. Если какая-нибудь группировка проводит резонансный теракт, тогда появляются эмиссары ИГ и говорят: это наши люди, это акт вдохновения, как они его называют, и приклеивает к теракту ярлык головной организации. После чего руководство маленькой группировки, которая совершила его на свой страх и риск, может рассчитывать, что их возьмут под крыло соответствующей ячейки ИГ. Уровень благосостояния лидеров этой группировки резко вырастет, так же, как их влияние в домашнем социуме, и у них появится возможность силой подчинять себе группировки, которые не выбились на этот уровень. Вот эта система конкуренции, выстроенная из управляющих центров крупных террористических группировок, и дает множественные мелкие самопальные теракты, с которыми полиция европейских государств не может бороться, потому что не понимает логики, не понимает, почему террористы бегают с ножами, когда можно организовать взрыв. А они не взрывают, потому что у них просто нет денег ни на материалы, ни на специалиста, который может сделать бомбу.

«ДК»: Если терроризм – это бизнес, то от него никто и не откажется, и он будет развиваться. А можно спрогнозировать, каким будут террористические группировки пятого поколения?

А.М.: Терроризм пятого поколения может появиться только в результате сращивания по принципу вертикально интегрированной цепочки высшей бюрократии террористических группировок и национальной бюрократии тех стран, с территории которых идут потоки денег. Такое сращивание наблюдается в сфере организованной преступности, например, наркоторговли. Среди террористических организаций такого еще нет, потому что терроризм воспринимается резко негативно во всем мире. И если наркоторговец, попавшийся на продаже больших партий наркотиков, может рассчитывать на то, что останется в живых, сядет лет на 20-30, а потом адвокаты вытащат его условно-досрочно, то террорист в лучшем случае получит пожизненное заключение, а в камере может случиться всякое. Это пугает бюрократию, которая, собственно говоря, готова ради получения личной прибыли налаживать тесные контакты с террористами. Тем более что эти контакты есть, по крайней мере, на уровне спецслужб. Есть достоверная информация, что террористы не хотели оставлять Восточный Алеппо в том числе потому, что там действовал координационный штаб иностранных военных советников. Американцы не случайно всеми правдами и неправдами пытались провалить в ООН резолюцию о прекращении боевых действий. Главной целью было не только уберечь от истребления террористов, которые еще могли бы пригодиться, но и получить возможность вывести оттуда военных советников. Террористы очень рассчитывали на то, что у американцев получится - по всей видимости, им это обещали. А как только попытка провалилась, появилась новость о том, что сирийский спецназ случайно наткнулся на подвал, в котором обнаружил с десяток старших натовских офицеров, причем действующих, а также инструкторов из Израиля, Турции, Иордании и ряда других стран. Это все подавалось, как случайная находка. На самом деле, я думаю, обозленные боевики просто сдали этих советников, загнав их в один подвал, потому что американцы не выполнили свои обещания. Так что, связи уже есть. И предпосылки того, что рано или поздно, если с терроризмом будут заигрывать, а не беспощадно бороться, эти связи распространятся и на бюрократию, достаточно серьезны, и риски велики. Когда это произойдет? Не хотелось бы, чтобы это вообще произошло, но, по всей видимости, лет через 5, возможно, мы будем говорить об этом в следующих интервью.